

K84

K78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

БРАТ, КОТОРОМУ СЕМЬ

184674

СОБД и Ю
Отдел хранения

К84
К78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

БРАТ, КОТОРОМУ СЕМЬ

429581

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

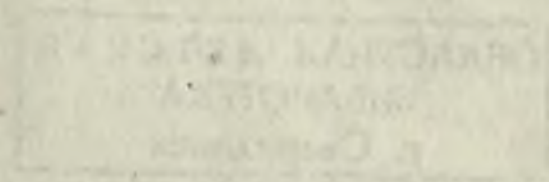
СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1963

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Художник Г. Переватов

Зеленая Грива

Город на три года старше Альки. Городу всего десять лет. Раньше на его месте была маленькая деревня с кособокими избами. Называлась она Крутой Лог, потому что стояла недалеко от большого оврага. Сейчас вместо деревянных изб кругом выросли многоэтажные дома из кирпича или больших бетонных панелей. В общем, от деревни и следа почти не осталось. А лог остался. Он совсем недалеко от Алькиного дома. Надо только перебежать двор и пролезть между деревянными планками решетчатого забора. Худенький Алька легко пролазит.

От забора через кусты рябины и боярышника бежит тропинка. Она и ведет к оврагу.

Но овраг начинается не сразу. Сначала идет совсем пологий зеленый склон. Он покрыт невысокой травой с продолговатыми листиками. Есть у этой травы и цветы, только они чуть заметные. Совсем крошечные белые звездочки.

А еще здесь растут одуванчики.

Ляжешь на траву, а они гладят тебя по лицу, ласковые, мягкие. И запах у них такой, что сразу вспоминается росистое утро, хотя на самом деле уже наступил жаркий день. А когда одуванчики отцветают, и на них появляются пушистые шарики семян, можно отправлять в путешествие парашютистов. Сорвешь, дунешь, — и стайка семян, как крошечные человечки на парашютах, улетают под тихим ветром. А куда, никто не знает...

Если пройти немного вниз по склону, окажешься на краю крутого лога. Его берега заросли полынью, бурьяном и коноплей. А на самых обрывистых местах желтеют пятна голой глины.

По дну лога течет речка Петушиха. Почему у нее такое название, Алька не знает. Никаких петухов на ее берегах не водится. Иногда только плавают в речке чьи-то белые утки.

Петушиха — речка неглубокая, почти везде Альке по колено. Тихо качаются в ее струях острые листья осоки. Синие стрекозы неподвижно висят над водой, смотрят, наверное, как пляшут в ней золотые змейки солнца.

А речка зная бежит себе среди мокрой травы, бежит туда, где берега оврага становятся совсем низкими и расходятся широко-широко, будто приглашают Петушиху поскорее слиться с большой синей рекой.

По большой реке днем и ночью идут пароходы и гудят так, что даже в городе слышны их басовитые голоса.

Алька любит бегать с ребятами по оврагу, карабкаться по откосам, прятаться в полынных зарослях. Можно придумать, что кругом дикие горы и африканские джунгли. Иногда Алька так напридумывает, что самому станет жутковато: а вдруг

выглянет из бурьяна косматая львиная голова, да как рыкнет!..

Любит Алька охотиться за стрекозами, смотреть, как ведут свою неторопливую жизнь красные жуки с черными узорами на плечах, и бродить в теплой воде Петушихи...

Но больше всего Алька любит свою березу. Она растет на зеленом склоне, почти над самым логом. Береза эта особенная. Сначала ствол ее поднимается прямо вверх, но в метре от почвы изгибается и вытягивается над землей, а потом уже снова делается прямым и устремляется высоко в небо.

Алька любит сидеть верхом на изгибе ствола. Будто это лошадь. Белая, в черных яблоках. Есть у Альки сабля. Он ее сам вытесал кухонным ножом из обломка доски. Доска была кривая, и сабля получилась изогнутая, как настоящая. Гикнет Алька, пригнется к лошади и — марш в атаку!

А иногда Альке кажется, что он богатырь из волшебной сказки. И лошадь у него волшебная, великанская. Высоко под облаками шумит ее зеленая грива. Неспешным шагом выходит конь на простор.

Слева — трубы завода, где работает Алькин отец. Большой завод, новый, вырос вместе с городом. Справа — новые дома, а за ними встает синее марево далекой реки. А впереди, за логом — только луга да березовые рощицы, да синий лес далеко-далеко. Сейчас богатырским скачком перемахнет Алькина лошадь на тот берег и понесет его, шумя зеленой гривой, по незнакомым землям.

Если на горизонте лежат желтые кучевые облака, Алька думает, что это высокие горы далеких стран. Если небо чистое, он думает, что конь вынес его на край земли, на берег океана. Это потому, что склон обращен на север, и солнце никогда не слепит Альке глаза: оно или сзади или сбоку. А небо с северной стороны всегда самое синее...

Иногда, набегавшись среди конопляных джунглей и порубив целые полки бурьяновых кустов, Алька садится на свою

лошадь и устало прижимается щекой к прохладному белому стволу. И слышит тихий ровный шум.

«Ты о чем шумишь, Зеленая Грива?» — «Обо всем». — «Тебе всю землю видно с высоты?» — «Нет, не всю. Земля круглая, всю ее не увидишь». — А половину?» — «Половину я вижу». — «И горы, и море?» — «И море, и острова, и реки, и снежные горы, и горячие вулканы... А еще вижу темные леса с заколдованными теремами и волшебные озера, где плавают большие серебряные звезды...»

И опять несет Альку Зеленая Грива по сказочным странам.

Алька иногда сидит, пока оранжевый закат среди черных, заводских труб не подернется сизым пеплом, и пока не встанет над ним тонкий неяркий месяц, а на дно лога не лягут белые полосы тумана. А тогда... тогда из-за кустов появляется Марина и прогоняет сказку:

— Александр! Скоро ты явишься домой?

Марина старше Альки вдвое. Спорить с ней бесполезно. Вот если бы у Альки был старший брат, такого разговора, наверное, не случилось бы. Брат всегда бы помогал Альке, перед всеми бы заступался. Но брата нет. И только Зеленая Грива знает про Алькины обиды.

Алька прыгает на траву и тихо шепчет березе.

— Завтра я приду, Зеленая Грива...

Было все хорошо, но вдруг нависла над Зеленой Гривой беда.

Алька сидел на своем коне и, согнувшись, старался концом сабли дотянуться до пушистого одуванчика, чтобы пустить парашютистов. И в это время подошел высокий парень в клетчатой рубаше и низких запылившихся сапогах. У парня была тонкая шея, бритая круглая голова и маленькие глаза без бровей. На плече парень нес длинную тяжелую рейку с белыми и черными отметинами, с красными цифрами.

Парень бросил рейку, облегченно пошевелил плечом и сказал:

— Привет, пацан.

Алька робко ответил:

— Привет...

Парень вытащил пачку «Беломора», достал папиросу, задумчиво пожевал ее и снова заговорил:

Березу объезжаешь, значит?

— Нет, — тихо сказал Алька. — Это я играю.

— Понятно...

Парень закурил, выпустил из носа две струйки дыма и лениво сообщил:

— Ну, вкалывай, наездник. Скоро твоей игре — капут.

— Почему? — спросил Алька, с беспокойством глядя на незваного гостя.

Тот охотно объяснил:

— Дорогу с севера в город тянут. Значит, надо мост через овраг строить. Здесь его и поставят. А березу твою — под корешок.

— Как под корешок? — встревожился Алька.

— Эх ты, молоко зеленое. Срубят — и крышка.

— Дяденька, не надо! — крикнул Алька и прыгнул на землю. — Зачем?

— Ха! Не надо! А мост? Мост — это строительство. А береза ему препятствие. Ясно?

— А если в другом месте сделать мост? — попросил Алька. — Можно, дяденька? Тут везде места много. — Он двумя руками держал Зеленую Гриву за ствол, будто над ней уже занесли топор.

Парень затоптал недокуренную папиросу, сплюнул и объяснил:

— Новое-то место искать надо. А я, пацан, устал. И некогда мне. Меня помощник ждет на той стороне.

Он поднял рейку и вдруг ухмыльнулся, так что глаза его совсем превратились в щелочки.

— Слушай, малек, давай заключать договор.

— А как? — несмело поинтересовался Алька. — Я не умею.

— А это просто. Ты хватай мою рейку и доставляй на тот берег. А за это, может быть, завтра найду для моста другое место. По рукам?

Алька поспешно кивнул. Не спорить же с человеком, от которого зависит жизнь Зеленой Гривы.

— Хватай и двигай вперед, — ухмыляясь, велел парень. Алка торопливо схватил рейку. Она была тяжелая, на плече не унесешь. Тогда Алка сунул один конец подмышку, а другой конец стал волочиться по земле. Парень на это ничего не сказал, только велел двигаться поживей.

Под гору Алка спустился быстро. По дну лога идти тоже было нетрудно, только рейка прыгала по кочкам. Алка все боялся, что она поцарапается, и парень рассердится.

Когда подошли к речке, Алка хотел снять тапки, но парень сказал:

— Шагай, шагай, — и Алка прямо в тапках пошел по воде. Рейку пришлось поднять на плечо, и она больно давила острым ребром.

Но хуже всего стало, когда начали подниматься. Сухая глина осыпалась из-под ног, липла к мокрым тапочкам, набивалась в них острыми комками. Рейка путалась в полыни.

Алька скоро совсем выбился из сил. От горького полынного запаха, который он раньше так любил, заболела голова. И сердце колотилось часто-часто. А парень поднимался впереди и оглядывался: «Ну как? Ползешь, пацан?» Алка молча кивал и полз. Он боялся сказать, что устал. Вдруг тогда этот круглоголовый рассердится и срубит Зеленую Гриву?

Алька вспомнил березовые кругляки, аккуратно сложенные в поленницу. Он видел их зимой у кочегарки. Неужели так может быть? Мертвые кругляки вместо Зеленой Гривы?

— Что, малек, порвем договор?

— Не... не хочу.

— Ну гляди... А чего в сторону отбиваешься?

— Конечно, — тяжело дыша, сказал Алка. — Здесь кусты вон какие. Я не пролезу.

— Ладно, жми в обход. Только живо.

А место как назло попало крутое-крутое. Алька полз наверх, торопился изо всех последних сил. Ведь хозяин рейки может разозлиться, если ему придется ждать. Вот бы успеть раньше!

Нет, не успел. Когда кромка берега оказалась перед Алькиными глазами, он увидел сапоги. И чуть не уронил рейку от досады. Ведь так старался!

Но тут Алька заметил, что сапоги не те. Черные и высокие. И тогда он поднял голову. Наверху стоял мужчина в серой кепке и парусиновом пиджаке. А рядом с ним стояла тренога с каким-то аппаратом. «Этот дядька и есть помощник», — догадался Алька.

— Ты откуда, малец? — услышал он густой голос. — Руку давай. Ух, и увозился. Мать-то тебе задаст. А рейку где взял?

Алька оглянулся и кивнул на парня, который, ухмыляясь, подходил к ним. Потом бросил рейку и сел на траву.

— А ну, Касюков, ступай сюда, — негромко сказал мужчина. — Отвечай, ты что это с ребенком делаешь?

— А что, Матвей Сергеевич, — улыбаясь, начал парень. — Пусть обучается. Трудовое политехническое воспитание.

На щеках Матвея Сергеевича под кожей с черными точками сбритых волосков заходили тугие узлы.

— Вот возьму я эту рейку, — тихо сказал он, — и сломаю о твой хребет. Это будет политехническое воспитание тебе. Высший сорт... Ах ты... — взорвался он вдруг и, оглянувшись на испуганного Альку, добавил немного спокойнее: — Дубина! Я тебя с практики к чертовой бабушке отошлю и в техникум напишу!

«Вот так помощник», — подумал Алька.

Матвей Сергеевич перестал ругать растерянно моргающего Касюкова и наклонился над Алькой.

— Устал? А зачем этого балбеса слушал?

— Он сказал... Березу срубят... Если не понесу, — прошептал Алька, все еще не вставая на ноги.

— Березу?

— Ага. Вон ту. Потому что будет мост... Дяденька, правда срубят?

Матвей Сергеевич чуть улыбнулся. Алька увидел, что теперь узлов на щеках у него нет.

— Твоя что ли береза-то?— поинтересовался он и сел рядом с Алькой на корточки.

Алька растерялся.

— Моя... Ну, она всегда была. Я играю с ней. Правда, срубят?— снова со страхом спросил он.— Правда, да?

— Нет, — сказал Матвей Сергеевич.— Чего же дерево губить. Да и мост пойдет не туда, а в проулок. Не заденет. Ближко, но ничего.

Он поставил Альку на ноги и большой ладонью прижал к себе.

— Маловат ты, сынок. А то взял бы в помощники. Вместо этого дармоеда. Пошел бы?

— Пошел бы, — сказал Алька.— А вы дороги строите? Я подрасту.

— Конечно, — согласился Матвей Сергеевич.— Расти.